18+

Татьяна Выхристова

Тени старинных коллекций

Дела ведёт консультант по антиквариату господин Савинов

Татьяна Выхристова

Тени старинных коллекций. Дела ведёт консультант по антиквариату господин Савинов

«Издательские решения»

Выхристова Т.

Тени старинных коллекций. Дела ведёт консультант по антиквариату господин Савинов / Т. Выхристова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688372-7

Ретро детективные истории начала XX века.В книгу вошли истории:«Дело табакерок»«Дело о похищенных картинах Рафаэля»«Дело об ожерелье Марии Антуаннет»«Дело византийской статуэтки».

ISBN 978-5-00-688372-7

© Выхристова Т.
© Издательские решения

Содержание

Тени старинных коллекций 6
Дело табакерок 7
Глава 1 8
Глава 2 10
Глава 3 13
Глава 4 15
Глава 5 17
Глава 6 19
Глава 7 22
Глава 8 26
Глава 9 28
Глава 10 32
Глава 11 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Тени старинных коллекций Дела ведёт консультант по антиквариату господин Савинов

Татьяна Выхристова

Редактор Искусственный Интеллект

© Татьяна Выхристова, 2025

ISBN 978-5-0068-8372-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тени старинных коллекций

Дело табакерок

Глава 1

Зима в Глушицах всегда наступала внезапно – будто кто-то из ангелов опрокидывал белоснежный мешок прямо над уездом.

Горожане встречали декабрь как добрую знакомую:

пучили галстуки, развешивали рождественский еловый лапник, а бабы трижды крестили окна – «чтоб мороз не треснул».

В усадьбе Черёмушки готовились к празднику. Дмитрий Акакиевич Большаков велел разложить на столе рождественские подарки для прислуги: пару новых валенок, шерстяные носки, баранки – символ хозяйской щедрости.

Суета перестала быть уютной ровно в тот миг, когда в гостиную ввалился лакей Иван – как половая тряпка выжатый и бледный.

– Барин… там… в… барыненой комнате…

– В чьей?! – Большаков поморщился: он зарёкся туда входить.

– В покойной… Убитый… Лакей Герасим…

Большаков не помнил, как очутился у той двери, которую за год открывал только раз.

Лишь услышал, как заскрипела половица – будто не желала тревожить покой.

В комнате – всё, как оставила покойная барыня: пудреница на туалетном столике, кружева накрыты салфеткой, часики замерли навеки на четверти восьмого.

А на ковре – Герасим.

Бледен, как мел.

С огромной кровоподтёковой полосой в правой височной части. И небольшая лужица крови под головой.

– Удар с размаху… – пробормотал Дмитрий Акакиевич. – Такой… от быка бы уложил…

Полицейский пристав Селиван Иванович явился важный, как министр, и объявил:

– Убийца один – Митька-конюх! Известен кулаком – быка бьёт с одного замаха!

– Он правша, – тихо возразила Аглая, вошедшая незаметно. – А удар нанёс левша. Видите кровь справа.

– А! – пристально глядя на потолок, нашёлся пристав. – Ну… авось левой махнул!

– У него руки целые.

– В рукавицах бил, чай не лето на дворе! – бодро заключил Селиван Иванович и, довольный, повёл Митьку под белы рученьки.

Митька лишь бормотал:

– Я ж не ходил туда! Честно!

– Молись, душегубец, – отрезал пристав, путая шаги в ковре и едва не шлёпнувшись носом в шкаф.

Аглая, сжав губы, заметила другое:

в шкафу не было старинной фамильной реликвии – серебряной табакерки, подаренной когда-то французским генералом её деду Большакову за доблесть на поле брани.

Значит – убийство не на почве пьянства.
И Герасим пришёл сюда по делу. Но с кем-то вещь не поделил…

Аглая уже знала – всё расследование пойдёт прахом, если доверить его приставу, который путает левую руку с правой и «мысленно служил в Петербурге». Однако, дельную мысль он все же высказал: " В рукавицах бил…". А что если так?

Позже она, укутавшись в шаль, отправилась в дом Карпухиных – крестьян с десятком босоногих сорванцов.

– Дети, зовите всех! – Аглая угощала их леденцами, будто новоиспечённый Мороз Иванович (и только в конце 1930 появится всем известный Дед Мороз). – Ищите по всей округе рукавицы: старые, новые, чьи угодно!
Нашли – принесите. Вот вам денежки…
– Мы всё найдём! – хором рявкнули ребята, и через минуту уже копошились в сугробах, как стая снеговых хорьков.

Аглая смотрела на деревню – огоньки в окнах, запах печи, звон колоколов от церкви.
Страшно, что под Рождество заводятся самые дурные преступления.

Ей казалось:
если не помочь Митьке – угаснет свет праздника.
И кто-то в Глушицах позволит себе ещё один удар.

Глава 2

Утро после гибели Герасима было странно тёплым для декабря. Снег в Глушицах не столько падал, сколько задумчиво таял, оставляя на крышах лохмотья коричневой сажи и сухой стружки. По улицам носилась праздничная суета: лавочники торговали пряниками, у церкви репетировали колокольный перезвон, а дети, обутые в одни валенки на двоих, скупились на леденцы, потому что на ярмарке елка стояла особенная – с яблоками и бумажными игрушками.

В это самое утро в Глушицы прибыл князь Игорь Владимирович Оленьев – молодой человек с аккуратно подстриженными усиками и видом того, кто привык, что мир слушается его рассуждений. Он ехал к тёте: старой, устроенной даме, у которой в городе всегда находилось место для чая и разговоров о благородстве. Но вместо тётиных анекдотов уездная жизнь встретила его вестью об убийстве.

Отдохнув после дороги и отобедав с тетушкой молодой князь отправился в усадьбу Большаковых.

– Игорь Владимирович! – в дверях встретила его Аглая, вся в тёплой шали, с глазами, которые не успели потерять свет детской озорности. – Вы как раз вовремя.

Он поклончиво прикрыл шляпу, взглянул на Никого – на следы на снегу, на людей, на ту дивную тревогу, что поселилась в доме. В его голосе слышался город: спокойно, как будто в его речи всегда оставался отзвук лекций по праву.

– Я слышал… – сказал он приглушённо. – Мне очень жаль, сударыня. Чем могу помочь?

Аглая кивнула: ей не хотелось сваливать бремя на молодого гостя, но в её женской наблюдательности проснулась надежда: вдруг он

мыслит иначе, чем наш пристав Селиван?

Митьку в тот день, как и полагается, держали в участке. Ходили слухи, что он «кулаком славен» – не только по деревне, но и по загону: одного быка мог убрать так, что того и следа не осталось. Помещик Дмитрий Акакиевич, хмурясь, пришёл в участок: он не любил публичного скандала, но против нужды встал горой за человека, который всю жизнь стоял у его конюшни.

Пристав в участке выглядел важным, эдаким величественным. Это была его территория, где он был и царь и бог в одном лице. Мог карать и миловать одним росчерком пера.

– Я вас прошу, Селиван Иванович, – обратился помещик к приставу, – вы не могли бы… хоть пока! Митька не из тех, кто по прихоти топчет людей. Он добрый парень, честно вам говорю.

Селиван Иванович приподнял бровь, перекрестился и заявил, что закон есть закон. Но видно было, что даже он, привыкший к спокойной монотонности дел, слегка смутился – не каждый день у городового возникает необходимость удержать махину, которую приравнивали к быку на прежних ярмарках.

Тем временем дети Карпухиных, как и было велено Аглаей, принесли с собой находки: ворох валялых рукавиц – старых, новых, сырых и сухих; разные по цвету, по шерсти, по размеру. Аглая рассортировала их на столе при свете лампы, и тут сердце её ёкнуло: одна пара лежала сложенная вместе, а на внутренней стороне левой рукавицы плямка крови, ещё не засохшая до конца – тёмно-бордовая, липкая.

– Это ли не та? – спросила она Игоря Владимировича, всучив ему рукавицу. Он снял перчатку, примерил её, как мог быть примерщиком чужих судеб. Рукавица сидела тесно: на его руке выглядела чужой, на Митькиной – казалась бы мала.

В полицейский участок вошли Аглая и Игорь Владимирович, а в след за ними ввалилась стая голделой ребетни. Городок провинциальный, маленький и украденная курица в нём целое происшествие, а тут убийство. Тут уж никто не остаётся равнодушным.

– Селиван Иванович, – сказал князь Оленьев спокойно, обращаясь к приставу, – вы сделали осмотр природы улик? У вас есть свидетельства, что Митька носил такие рукавицы?

– Нет, князь, – ответил тот, – но дети нашли эти рукавицы недалеко от сарая. Митька же… он конюх, ходит всегда в своих… крепких, больших.

Митька стоял, плечи его было трудно согнуть: он был неловко высок, как столб, с загрубелыми кистями рук, на которых и сейчас виднелись натоптыши. Его рост и плоть не сходились с тем, что оставила кровь на тесной перчатке.

Пока Селиван Иванович велел охранять подозреваемого, в прозекторской уже началось вскрытие: тело Герасима отвезли туда, и врач – Григорий Семёнович, мужчина с медицинским образованием из губернского города – доложил свое краткое, но важное заключение. Он описал следующее: удар нанесён в правую височную область; кровоподтёк широкий, глубокий – указание на сильный, направленный удар. Судя по линии и углу падения, нанесён он был тем, кто находился ниже роста убитого. И это, сказал врач без улыбки, значит: убийца, скорее всего, ниспробовал атаковать снизу – возможно, человек невысокого роста или же тот, кто ударил, находился в согнувшейся позиции, либо – что ещё вероятнее – действовал левой рукой, нанося удар рукой, сожатым в нечто подобное рукавицам. Удар мастерский, смертельный.

Эти слова разрезали комнату, как холодный нож: если удар нанесён слева направо, и на рукавице – след крови именно на левой стороне… то налицо было противоречие с версией о Митьке как о праворуком звере…

Аглая молча смотрела на дверной проём участка: за ним стояла жизнь, полная шуток и пирогов, но сейчас эта жизнь пахла керосином и старой кровью.

Князь же, дав детишкам по монетки за работу, прищурился и сказал совсем по-другому:

– Значит, Митька под подозрением. И что ж… пусть он будет под стражей. Но это ещё не приговор.

И в его словах Аглая услышала то, что её сердце желало: не торопливость обвинений, а обещание разыскать истину – шаг за шагом, варежка за варежкой.

Селиван Иванович был непреклонен, рукавица для него была не доказательством, тем более выяснилось, что и табакерка времён Наполеона пропала. Ни при убитом, ни при Митьке её не обнаружили, значить был ещё кто-то. А Митька-конюх вполне мог оказаться если не душегубом, то наводчиком. И восхищаясь своими выводами пристав торжественно вручил Аглае варежки и выпроводил молодых людей восвояси.

Вечером, когда лампы в домах уже начали терять свечи, а в Глушицах зазвучал колокольный звон, Аглая стояла у окна и держа в руке леденец, думая, что праздник – это тонкая плёнка над землёй, которую легко прорвать пальцем скверны. Она знала: рукавицы – это первый ключ, но далеко не последний. И если в деле замешана табакерка – вещь, привезённая из чужой войны, с печатью и историей, – то за ней тянется не просто награда, а целая сеть людей, истории и обид.

Глава 3

Утром, когда город проснулся, Аглая и князь Оленьев шли по узким улицам Глушиц, держа рукавицу в руках бережно – словно ту самую нить, которая однажды выведет их в центр преступления. Кожа перчатки была грубой, но сшита умело – эта не казённая вещь, а работа мастера.

Игорь Владимирович, ещё не успевший привыкнуть к тому, что в уезде новости разносятся быстрее колокольного звона, старался говорить спокойно, с расстановкой, но в глазах у него разгоралось азартное пламя следователя.

Первым делом они направились к ряду лавок, где торговали рукавицами. Там царил запах овчины, сажи и дешевого пива: здесь покупали всё – от новых лаптей до ненужных сплетен.

Лавочник – круглый, как бочонок, мужичок с румяными щеками – принял рукавицы в свои пухлые пальцы, поднёс к глазам и фыркнул:

– Да знаю я эту работу! Семён Гордеевич шил. Он в конце улицы держит мастерскую, что у кузницы.

Семён оказался угрюмым мастером с глазом-измерителем и бородой, в которой, казалось, жили иголки.

– Ага… мои, – признал он неохотно. – Вот только пара редкая – крепкая кожа, подкладка теплая, заказывали недели три назад.

– Кто? – одновременно спросили Аглая и князь.

Семён почесал затылок:

– Да чёрт его знает по имени. Невысокий такой, плечистый, лицо…

будто ножом резано. На ногу прихрамывал – правую. Всё молчал, только деньги отсчитывал. Нечистый народец!

Аглая переглянулась с князем – зацепка была явная.

Дальше путь их лежал на рынок – туда, где шум никогда не замолкал и где свежие слухи продавались даже активнее, чем свежий хлеб. Там они разузнали о другом мужчине: молодом, щеголеватом, модно одетом городском красавце. Говорили, что тот рассыпал деньги так, будто у него их никогда не станет меньше.

– При нем ходил хромой, – сказала торговка рыбой, утирая руки о фартук. – Глаза у того, хромого, как у волка: глядел – и мурашки по спине. А щёголь – всё улыбался. Словно знал, что его улыбака – лучше любой сабли.

– Когда видели их в последний раз?
– Да вот вчера и видели. В трактир заходили: ели, пили, а потом умотали.

Трактирщик, разумеется, помнил посетителей: таких не забываешь.

– Остановились на ночь в номере, к первым петухам и исчезли. Документы показывали – только, по правде сказать, бумага-то новая, лежит как только что из типографии. А печати незнакомые мне – не ставили таких у нас ни в канцелярии, ни в уезде…

Попытались узнать, на чём уехали, но никто не видел ни саней, ни телеги – словно растаяли.

На улице Аглая прижала ладонь к груди – тревога в ней переплелась с восторгом поиска.

– Значит, убитый лакей мог знать их?
– Или видеть что-то такое, чего знать не должен был, – тихо ответил князь. – И тогда… табакерка – важнее, чем кажется.

Аглая кивнула:

– И ещё… Селиван Иванович, похоже, рад бы закрыть дело поскорее – лишь бы на праздники не работать.

Князь усмехнулся:

– Бюрократия – хуже мороза, сударыня. Она душит живое и надеется, что никто не заметит.

Их расследование только начиналось – но уже захватывало город, как вьюга крышу. Те двое – хромой с волчьими глазами и щеголь с улыбкой – стали тенями, скользящими где-то рядом.

Аглая посмотрела в серое небо, где не хватало снега и спокойствия.

– Если они причастны к смерти Герасима, – сказала она решительно, – мы их найдём.

Князь слегка поклонился:

– Мне нравится ваш настрой, Аглая Дмитриевна. Давайте спасём хоть одну человеческую жизнь… пока не поздно.

И снег, наконец, посыпался – как будто сам город вздохнул перед тем, что ждёт его впереди.

Глава 4

В гостиной Большаковского дома трещал камин, и праздничный хвойный запах уже начал пробираться в комнаты. Там, под мягким светом ламп, князь Оленьев беседовал с Дмитрием Акакиевичем – помещик, хоть и добродушный с виду, но сейчас в голосе его звучала тревога.

– Дело, видите ли, принимает иной оборот, – говорил князь, аккуратно подбирая слова. – Скажите мне: пропавшая табакерка… Что она собой представляет?

При этих словах взгляд помещика потеплел – будто речь зашла о члене семьи.

– Вещица драгоценная не ценой, а памятью, сударь.

Это подарок французского генерала моему отцу… за храбрость при Бородино. Отец тогда ещё молод был, поручик – горяч как огонь, лих как ветер. Генерал тот, хоть враг, но человек честный – признал доблесть, снял с себя табакерку с орденским знаком и вручил ему лично.

Большаков поднялся и поманив за собой гостя направился в комнату своей покойной жены, где табакерка раньше занимала самое заметное место. На стекле всё ещё виднелся её пыльный отпечаток – как пустое место в сердце.

– С тех пор она – наша реликвия. Присяга памяти отца. Ни за что бы я её не продал… никому.

– Даже если предлагали большую сумму? – уточнил князь, чуть склоняя голову.

Помещик тихо усмехнулся:

– А ведь предлагали… месяца три назад.

Он обернулся и нахмурился, подбирая воспоминания.

– Приезжал один молодой человек, представился учёным-антикваром. Городской такой… щеголеватый, в манерах излишне учтивый. Говорил много и с огоньком: то про редкости, то про историю, то ещё какую диковину. Уговаривал продать табакерку – предлагал сумму неприличную. Я-то и подумал сначала: уж больно сильно интересуется!

– Имя его вы не запомнили?

– Записал… где-то бумажка была… Спросите у Аглаи – она с ним чаще беседовала. Он у нас два дня гостил… и уехал как ни в чём не бывало.

Князь медленно прошёлся по комнате, руки за спину, взгляд – острый, как клинок.

– Простите, Дмитрий Акакиевич, а почему табакерка стояла в комнате вашей жены?

– Дык, я уж и не помню. Повелось так. Да и нравилась она ей больно. «Пусть у меня стоит. Вещь доблестная», говорила. Я тогда, три месяца назад, впервые то, после смерти моей

Глафирушки и отворил двери в её комнату, чтобы табакерку гостю показать. Да и побыли мы минуту не больше. И чего меня дернуло, дурака старого, хвастаться, сам не понимаю.

– И всё же странно, сударь: редкая вещь исчезает именно сейчас. И – позвольте догадку – молодой щёголь, что интересовался стариной, весьма похож на того, кого нам описывали торговцы.

Большаков вздрогнул.

Подозрение – тяжкая вещь, особенно когда тихая жизнь вдруг становится чем-то опасным.

– Думаете… это может быть он?
– Думаю, что нить ведёт к нему. И к тому хромому человеку, что его сопровождал.

Князь остановился и спокойно добавил:

– Мне понадобится связаться с Петербургом. Если этот «учёный» – охотник за антиквариатом или, хуже того, участник какого-нибудь подпольного дела… там наверняка о нём что-то известно.

Помещик медленно присел, понимая, что за реликвию отцовской доблести, возможно, пролилась кровь.

– Ради Митьки, ради памяти отца… И ради того, чтобы убийца не ушёл без наказания… Делайте всё, что нужно.

Князь кивнул.

И в этот момент часы на стене пробили полночь.
В 1899-м году оставались считанные дни – и мир, казалось, сам спешил открыть новую страницу своей истории…

Глава 5

Письмо в Петербург ушло быстро, но ответ ждать пришлось почти неделю – с рождественскими хлопотами почта еле дышала.

И всё же ранним утром курьер доставил прошивку бумаг, запечатанных официальным сургучом.

Князь Оленьев сидел за письменным столом, и чем больше он читал, тем сильнее поднималась бровь.

– Любопытно… очень любопытно, – бормотал он.

Аглая, сидевшая рядом, буквально горела от нетерпения:

– Ну же, князь! Говорите скорей!

– Во-первых, – начал он, – антиквар действительно существует. Василий Петрович Савинов. В определённых кругах – Васька-Антиквар. Долгое время торговал редкостями… порой сомнительного происхождения.

– Ах он жулик! – всплеснула руками Аглая.

– Погоди, – князь поднял палец. – Самое главное – Савинов уже три года вообще не в деле. Более того, никаких помощников у него никогда не водилось. Работал один.

– Так… – Аглая задумалась. – Значит, тот молодой человек – самозванец?

– Либо… ученик, которого никто не знал.

Но есть ещё кое-что, – князь отложил бумаги. – Петербургская сыскная контора взяла Ваську под наблюдение. И он… сам попросил встречи с властями.

Аглая придвинулась ближе:

– И что же он сказал?

– Что его честное имя запятнано. И, чтобы доказать свою невиновность, он хочет отправиться к нам и помочь поймать того, кто действует под его видом.

Аглая не удержалась и улыбнулась:

– Вот это поворот!

– Поверьте, барышня, – усмехнулся Оленьев, – иногда преступники бывают куда порядочнее чиновников.

Спустя два дня в город въехал небольшой экипаж.

На ступеньке ровно стоял мужчина лет сорока, лицо суковатое, но глаза – внимательные, умные, даже усталые. Одет просто, никаких щёгольских манер.

Он был похож не на кого-то, кто наживается на чужом горе…
А на того, кто слишком много видел человеческой алчности.

– Василий Петрович Савинов, к вашим услугам, – представился он, слегка кивнув. – Разрешите узнать, где здесь у вас убивают из-за цацок?

– Из-за реликвий, – поправила его Аглая строго.

– Ну да… реликвии… – Антиквар криво усмехнулся. – Иногда между ними разница только в оправе.

Он шагнул ближе и понизил голос:

– Но скажу вам: таких убийств не совершают ради золота. Тут что-то другое… гораздо большее.

Князь переглянулся с Аглаей.
В их расследовании появилась новая, опасная фигура.

И далеко не факт, что они все – на одной стороне.

Глава 6

Осмотр дома Большакова проводился самым тщательным образом.

Савинов двигался неспешно, но так внимательно, что казалось – он видит то, что другим и не снилось.

Он откинул крышку старинного буфета, осмотрел подсвечники, провёл пальцем по резному комоду:

– Хм… странно-то как… – пробормотал он.

– Что именно? – спросил князь.

Антиквар оглянулся на них с лёгкой насмешкой:

– У вашего барина добра – на десяток краж вперёд хватит. И серебро, и бронза, и миниатюры – всё дорогое, всё с историей…

А взяли одну табакерку.

Аглая нахмурилась:

– Но она ведь редкая…

– Да редкая, куда ж без этого, – отмахнулся Савинов. – Только воры редко бывают романтиками, барышня. Они хватают что ближе к руке – и что продать легче.

А тут кто-то пришёл за конкретной вещью.

Он присел, осмотрел пол у шкафа покойной Глафиры Пантелеевны.

Обнаружил на паркете странную царапину – свежую.

– А это видали? – Он показал пальцем. – Значит говорите, в городе странного хромого видели. Вот кто тут был. Набойка на обуви из-за хромоты паркет и поцарапала.

А когда вор полез – лакей, скорее всего, случайно застал.

Антиквар поднялся и заключил сухо:

– Парень погиб только потому, что оказался не вовремя не в том месте.

Аглая побледнела, сжав руки:

– Бедный Герасим…

Князь записывал каждый вывод.

И тут, как на грех, появился Селиван Иванович, раскрасневшийся и самодовольный как индюк:

– Господа, дело раскрыто! – торжественно заявил он, подбоченясь.

– О? – князь поднял глаза. – И кого же вы подозреваете на этот раз?

Селиван Иванович, разгорячённый собственной «гениальностью», вещал:

– Убийца хозяйки – сам хозяин!

Комната притихла. Большаков побелел от возмущения. Аглая прикусила губу. Даже князь на секунду остолбенел.

И только Савинов слегка наклонил голову, глядя на полицейского поверх очков, явно изготовленных в Европе:

– Простите, кого убили? – спросил он почти вежливо. – Хозяйку дома… или лакея?
Или, чего доброго, обоих?

Селиван моргнул. Дважды.
Затем густо покраснел:

– Я… то есть… ну… покойная барыня ведь тоже… умерла!

– Год назад, – уточнил антиквар. – От воспаления лёгких. Без насильственных действий.
А нынче – убит лакей. В её бывшей комнате.
Это, знаете ли, немного разные дела.

Селиван Иванович открыл рот, но в этот момент дверь распахнулась, и вбежал молодой стражник, запыхавшись:

– Г-господин сыщик! Срочная депеша!
В соседнем уезде… грабёж у графа Резанова!
Табакерка пропала… редкость… времён похода на Париж…

– И без убийства? – уточнил пристав.

– Т-точно так, ваше благородие! – стражник вытянулся.

Антиквар медленно повернулся к князю и Аглае:

– Видите? Почерк один.
Но в этот раз – успели скрыться, никто не помешал.

Он поднял с камина оброненный следственной комиссией листок с описанием табакерки:

– Хм, похожа на вашу, Аглая Дмитриевна, если я правильно понимаю. Кто-то собирает конкретные трофеи наполеоновской эпохи.
Значит… это только начало.

Селиван Иванович, чтобы спрятать свою глупость, снова надулся:

– Мы всех найдём!

– Если они вас дождутся, – тихо заметил Савинов.
И посмотрел на Аглаю острым, хищным взглядом:
– Мы должны торопиться.
И тихо добавил:
– Завтра навестим этих Резановых.

Глава 7

К тракту Резановых подъехали в санях трое:
Савинов, князь Оленьев и Аглая Дмитриевна.

Едва они ступили в гостиную, как графиня Резанова —
дородная, румяная и чрезмерно гостеприимная —
расправила плечи, как боевой индюк, и всплеснула руками:

– О-о, гости из столицы! Мы в провинции всегда рады светскому обществу!
Снима-а-айте шубы! Проходите! В гостиную пожалуйте! Вот сюда!

Графиня как квочка кудахтала вокруг гостей, рассаживая их за стол.

– Пейте чай! Варенье пробовали? Не пробовали! Срочно пробуйте!

И, не дав никому слова вставить, уже звала прислугу:

– Клавдия! Тащи ещё вишнёвое! И смородиновое! Да всё тащи!

Аглая сжалась на стуле и шепнула князю:

– У неё варенье… как будто государственный резерв.

Князь кивнул серьёзно:

– Это оборонный продукт.

Графиня присела напротив и строго покосилась на Савинова:

– Я вас узнала! Вы тот, что антиквариат изучает.
Значит, нам надо следить, что вы руками трогаете!

Савинов скромно улыбнулся:

– Я, сударыня, по рукам ещё никого не узнавал.

– А зря! – отрезала графиня. —
Руки – зеркало души! Вот у моего мужа руки – как у ангела!
Потому что ими он ничего не делает!

Где-то в стороне несчастный граф чихнул.

– Не беспокойтесь, сударыня, я помогаю полиции отыскать преступника. Так сказать, консультант по антиквариату.

– Ах, как интересно, – театрально всплеснула она руками. – Напали на след?

Савинов откашлялся и осторожно начал:

– Скажите, графиня Елизавета Ефимовна… табакеркой вашей интересовались?

Она закатила глаза:

– Ах! – и сразу же:
– А вы в театр ходите? У нас премьера! «Русалка на снегу»!
Анфиса Павловна – это что-то!
Если не смотреть на ноги… и на голос… и лучше на сцену не смотреть…

Аглая захихикала в платочек.

Князь дипломатично поддакнул:

– Искусство требует жертв.

– Да, – гордо подтвердила графиня. —
И наш театр – сплошная жертва.

Савинов терпел:

– Всё же, табакерка…

– Ах, табакерка! – вспомнила она наконец. —
Дед мужа привёз её с войны!
С кем он там воевал… с французами или …? Не помню.
Или с кем-то во Франции, но…
В общем, он всех победил!

Граф снова чихнул – видимо, в знак протеста.

– И никто, кроме одного молодого учёного, ею не интересовался? – уточнил князь.

Графиня тут же расплылась в мечтательной улыбке:

– Ах, интересовался! Такой щеголь!

Ресницы – как у актрисы…
Только от него пахло… библиотекой.
Ужасно!
Но ручку мне поцеловал – значит культурный!

Савинов и князь переглянулись.
Аглая сжала, до хруста накрахмаленную, салфетку: всё сходится.

После чаепития Савинов попросил осмотреть место происшествия. Хозяйка отнеслась к просьбе настороженно. А точнее – дородная графиня Рязанова не доверяла гостю, но не смогла отказать.

«Этот человек непременно что-нибудь украдёт.»

Поэтому она ходила следом за ним, как сторожевая гусыня:
шуршала шёлковым платьем, оттопыривала локти и даже дышала в затылок.

Савинов, сохраняя невозмутимость, оглядывался на стены:
портреты предков – в модных когда-то мундирах,
мебель – тяжёлая, но, к сожалению, совсем не стоящая внимания.

– Так где вы были в момент ограбления?

Графиня надув губы обиженно произнесла:

– Ах, боже мой, ну я же вам говорила – в театре на премьере «Русалка в болоте».

– … на снегу… – поправил супружницу граф.

– Вот уж право, какая разница, – завелась графиня. – Болото для русалки куда больше подходит. Вот скажите мне, дорогой князь, – она взяла гостя под руку и с видом знатока вещала, – что русалке

делать на снегу? Она на нём просто замёрзнет? Да и вообще, что это за спектакль? Откуда на сцене снег?

– Полностью с вами согласен, дорогая Елизавета Ефимовна, – желая поскорее убраться ответил Игорь Владимирович.

Савинова, Аглаю и князя Оленьева провожали так же неумолимо спешно, как и встречали. Видимо у Резановых все делалось в суматохе. Приехал гость, не дав ему раздеться – напоили чаем. Уезжает – выталкивают за дверь не дав надеть калоши.

Снег скрипел под санями. Небо к вечеру прояснилось, а мороз крепчал. Укутавшись в шубы, молодые люди вволю насмеявшись, обсуждали услышанное.

Савинов, задумчиво:

– Воры не трогают бриллиантов… не трогают золота…
Они охотятся только за реликвиями времён Наполеона.
И действуют в одной местности…
Точно зная, у кого что есть.

Князь поджал губы:

– То есть кто-то ведёт список… или наследует чужой.

Аглая шепнула с тревогой:

– Но зачем? Ради денег?

Савинов посмотрел в белую даль дороги:

– Нет, Аглая Дмитриевна…

Кажется, дело здесь не в цене.
А в военной тайне, за которую по-прежнему убивают.

Сани покатились быстрее.
Кто-то впереди опережал их на шаг.

Глава 8

Утро выдалось промозглым, но в полицейском участке царила почти праздничная суета.

Селиван Иванович, заливая чаем пол, маршировал от окна к двери и громогласно диктовал писарю:

– «Объявление! Продаётся сабля Багратиона! Настоящая! Царём подаренная!»
Пиши, Пантелей! Не жалей бумаги – у нас служба государева, а не булочная!

Троица едва успела переступить порог, как пристав величаво обернулся:

– А! Столица пожаловала! Ну, говорите, что нашли?

Они изложили всё: совпадения, табакерки, странного «учёного».
Селиван Иванович выслушал равнодушно, побарабанил пальцами по пузу…

– Значит так, ловим! Засадой! Как на гуся! – объявил он, довольный своей стратегией.

Савинов прищурился:

– Простите, милостивый государь… почему сабля Багратиона?

– Так герой ведь! Рука-то у него золотая была! – сделал пристав движение, будто крошил воздух невидимой шашкой. – А уже там, глядишь, и злодей примчится.

Савинов стукнул кулаком по столу, так что чернильница подпрыгнула:

– Тогда уж пишите сразу – сабля самого Наполеона!
Чего мелочиться?!

– Н-ну… – почесал затылок пристав, – Наполеон… он как бы… ого- го какой… Нам не поверят, что он сабельку потерял.

– А Багратион, по-вашему, по полям сабли разбрасывал? – не выдержал Савинов. – Вашей удою только лягушек ловить! Никому ваша сабля НЕ НУЖНА!

Селиван Иванович вспыхнул багровым, как самовар перед взрывом:

– Это мы ещё посмотрим!
И чтоб вас тут больше не видел!

Он ткнул пальцем, расставляя приказы:

– Вы, князь, с дорожки устали – езжайте отдыхать к вашей тётушки и привет ей от меня передавайте и пусть она прыть вашу попридержит.
Вы, Аглая Дмитриевна – шли бы уже домой, батюшка небось волнуется.
Ну и вы, господин Савинов… идите уж. Большое спасибо за помощь!

– последние слова прозвучали как пощёчина.

Писарь Пантелей испуганно спрятался за чернильницу.

Князь Оленьев тихонько наклонился к Савинову:

– Кажется, нас… уволили.

– Я и не нанимался, – сквозь зубы ответил тот.

Когда дверь за ними захлопнулась, Савинов остановился, втянул морозный воздух и процедил:

– Отлично. Полиция на хвосте у собственной гордости.
И это даже полезно – мешать нам они теперь не будут.

Князь усмехнулся:

– Селиван Иванович решил заманить медведя… на капусту.

Аглая, нахмурившись:

– Значит, действуем сами?

Савинов поднял воротник, глаза его блеснули:

– Сами. Будем искать настоящий приман.
Тех, кто воевал под Бородином.
У кого могли остаться реликвии – ценные для убийцы.

– И немедленно телеграфируем в Петербург, – добавил князь. —
Пускай ищут похожие преступления.

Аглая сжала перчатки, решительная:

– Мы опередим их всех.
Если не мы – никто.

Они переглянулись – теперь они вместе.
Трое против невидимого врага, который знает каждую их улицу и каждую реликвию.

Снег предательски скрипел под ногами.
Казалось, кто-то слушает.

Глава 9

Пока в типографиях рассыпали литеры для громогласного объявления о «сабле Багратиона», а депеша из Петербурга всё не приходила, троица не сидела без дела.

– Если полиция ловит мышь на колокол, – буркнул Савинов, – придётся самим искать кота.

И они отправились всего за пять вёрст от уездного городка – к отставному генералу Ивану Степановичу Перовскому: седому, сухому, но с орлиным взглядом. Его уважали: он был из тех редких военных, в чьём доме действительно помнили Бородино.

Генерал усадил гостей в свой кабинет – стены увешаны картами, саблями и старым знаменем с прожжёнными дырами.

– Слушаю вас, господа, – сказал он, разливая чай с каким-то густым, почти чёрным вареньем.

Савинов, как всегда прямо:

– Благородный государь, у нас странное дело. Грабят помещиков, похищают только табакерки времён Наполеона. Две уже исчезли.

Генерал медленно поставил чашку.

– Две… – повторил он, – значит… началось.

Аглая вздрогнула:

– Простите, что началось?

Перовский поднялся и прошёл к комоду – достал потрёпанную записку.

– Это рассказал мой старый денщик перед смертью. Отец его при моём деде служил. Я был в отъезде и возвернулся только вчера вечером, о том, что в округе произошло толком ничего кроме убийства в вашем доме, Аглая Дмитриевна, не знал, но теперь понимаю. И он поведал тайну, которую носили десятилетиями…

Он заговорил негромко, но каждое слово будто падало ядром:

– Под Бородино сошлись четверо товарищей:
молодой ещё Большаков, отец вашего батюшки Аглая Дмитриевна, постарше – граф Резанов,
ваш дед – князь Оленьев, милостивый,
и мой дед.
Взяли они в плен французского генерала… и тот, желая спасти жизнь, признался:

С французами отступало золото – награбленное.

Спрятано.
Место – на тайной карте.
Карта – в одной из трёх табакерок. Табакерки у трёх генералов.
Табакерки – особые, подарочные. Их всего три.
Кому достались – знает только судьба.

Большаков получил от генерала одну – ту самую, что похитили.
Вторая – у Рязановых… тоже исчезла.
Генерал обернулся:

– А третья, милостивый князь… у вашей тётушки. В нашей семье табакерки никогда не было.

Оленьев побледнел:

– У тётушки?! Но она… она ведь не знает…

– Никто не знал, – жёстко ответил генерал. —
Пока не умер денщик.

Он осёкся и добавил ещё ниже:

– А после его смерти у меня исчез лакей.
Сапогов Апполинарий… дрянной человечишко.
Писаный красавец, услужливый, грамотный – и слишком болтливый. Люди поговаривали: якшался с кем-то опасным.

Савинов счёл – сходится:

– Он мог подслушать? Узнать тайну?

– Мог, – кивнул генерал. —
И если он с бандитами…

Они уже знают о третьей табакерке.

Он подошёл ближе, его голос стал приказом:

– Немедленно возвращайтесь к княгине, князь!
Если желаете – дам двух надёжных парней.
И ещё…

Он посмотрел каждому в глаза:

– Берегитесь.
За этим золотом охотились и при Бонапарте…
и будут охотиться всегда.

В этот момент врывается адъютант, хотя и в отставке, как впрочем все солдаты в поместье генерала:

– Иван Степанович! Посыльный из полицейского участка! Депеша из Петербурга для князя Оленьева!

Игорь Владимирович разорвал печать, бегло прочёл и передал Савинову:

«Подобных преступлений в Империи не выявлено.
Действует местная группа.
Предположительно – профессионалы.»

Савинов медленно сложил бумагу:

– Значит, вся игра – здесь.
И ставки выше, чем думали.

Оленьев надел перчатки, Аглая подняла подбородок.

– В путь? – тихо сказала она.

Савинов улыбнулся краем губ:

– Теперь у нас есть карта.
Только мы пока не знаем, где она.

Возвращаясь в Глушицы троица, сидя в санях, обсуждали события.

Савинов задумчиво произнёс:

– Что мы имеем? Три табакерки. Выходит, что ваши деды нашли все три табакерки. Каким образом, этого мы уже не узнаем.

– Но, погодите, Василий Петрович, – встряла Аглая, – если моему деду французский генерал сам табакерку подарил, и в ней, получается, изначально не было карты, тогда зачем у нас её воровать? Да ещё и человека убили.

– Видите ли, Аглая Дмитриевна, я думаю, что этот Апполинарий, до того как попал на службу к генералу и раньше мелкими преступлениями не брезговал. А когда он тайну узнал, то наверняка весь дом осмотрел. Не найдя табакерки у генерала Перовского он отправился к вашему родителю. Он должен был знать, что искать. Мало ли табакерок в государстве. А вы ведь его должны были видеть.

– Вы правы, я его и видела. Он вежливый, но какой-то незапоминающийся, скользкий. Говорил хорошо, грамотно, с лёгким акцентом, но всегда ускользал от прямого взгляда. Мне тогда показалось его стеснительность… Да и говорил он много обо всем и ни о чём одновременно.

– Ха-ха-ха, Аглая Дмитриевна, вам бы в сыск. Вы превосходно описали хорошего проходимца. Поверьте мне, я то уж знаю.

И друзья громко расхохотались.

Глава 10

Полиция торжествовала заранее.

Селиван Иванович собственной персоной командовал операцией по «поимке французского картеля», как он уже успел назвать преступников. В объявлении красовалось:

Сабля князя Багратиона!
Продаётся. Дёшево. Срочно.
По адресу…

– Уж поползут, гады! – уверенно повторял пристав, проверяя солдат. – Всех повяжем разом!

А повяжут они действительно много:
купца, пришедшего по дешёвке купить легенду Багратиона,
несколько перекупщиков, да пару мелких проныр —
всё «злодейская шайка» по мнению полиции.

Но настоящая охота разворачивалась у Оленьевых.

Княгиня Оленьева встретила племянника спокойно… почти слишком спокойно. В её глазах читалась усталость людей, которые

уже видели слишком много.

– Табакерка? – повторила она, поправляя кружева. – Да, была. Мой батюшка привёз её после войны.
Но позже подарил государю… как знак преданности.

Она вздохнула:

– Так что искать тут нечего.
…Но воры об этом не знают. Кстати, друг мой Игорешенька, – обратилась княгиня к племяннику, – а почему воры после Большаковых сразу ко мне в дом не явились?

Племянник поцеловал руку тётушки и спокойно ответил:

– Убийство наделало много шума. Я думаю, убивать не хотели. Все должно было быть тихо…

– Простите, сударыня, а к вам разве месяца три назад учёный не заезжал и про табакерку не расспрашивал? – поинтересовался Савинов.

Княгиня пожала плечами:

– Я в имение месяц назад возвернулась. Может кто и заезжал…

– Тётушка, а если бы про табакерку спросили, ты бы ответила, что её Государю подарили?

– А это был секрет? Не знала…

И княгиня с достоинством объявила:

– Сегодня вечером я уезжаю в гости к графине Мезенцевой.
Пусть те, кто крадёт тени, явятся за своим призом.

Она уехала на экипаже, а дом погрузился в напряжённую тишину.

Савинов остался в кабинете, медленно проверяя револьвер.
Оленьев у окна, настороженный: тень за тенью.
Аглая – между ними: сердце стучит, но взгляд твёрдый.

– Боитесь? – спросил князь тихо.

– За вас, – ответила она ещё тише.

Савинов хмыкнул:

– Ох, голубчики… роман нам тут устроили. Держим ухо востро.

Час за часом.
Ночь сгущала воздух, будто перед грозой.

И когда стрелка часов перескочила за полночь —
в коридоре раздалось скольжение.

Шаги… но с тяжёлым прихрамыванием.

Савинов шепнул:

– Он.

Дверь в кабинет медленно открылась.
На пороге возник Хромой – широкий в плечах, шея быку впору.
На лице – кожаная маска, в руках – металлическая дубинка, вся в пятнах ржавчины или… крови?

Он шёл уверенно.
Профессионал, не первый дом в его жизни.

Но в ту же секунду Савинов взвыл:

– Лови его!

Князь бросился, Аглая вскрикнула, стул с грохотом опрокинулся.
Хромой ударил – дубинка со свистом рассекла воздух, едва не задев Оленева.

Князь схватил его за запястье – но тот двинул левым кулаком так, что отозвалось в стенах.

Силы были неравны.

Хромой почти вырвался… почти…

Пока ударом «хук» Савинов не загнал его к шкафу и не щёлкнул наручниками:

– Попался, голубок. Я, к твоему сведению, в боксе подавал большие надежды.

Тот зарычал, как зверь, но уйти было некуда.

– Где табакерки? Где твой хозяин?! – рявкнул Савинов.

Хромой лишь усмехнулся искривлённым ртом:

– Поздно. Он уже рядом.

В этот миг раздался тихий звон стекла где-то на нижнем этаже.

Савинов обернулся:

– Что за… ЕЩЁ ОДИН?!

Оленев схватил оружие:

– Это отвлекающий манёвр! Он не один!

Троица переглянулась – и ринулась вниз.

Параллельно – в участке

– Поздравляю, господа! – торжествовал Селиван Иванович, окружённый горой связанных «преступников».

– Мы задержали всех, кто пришёл на объявление! Вот что значит правильно вести следствие. Попались голубчики.

– Я купец второй гильдии, вы не имеете право, – возмущался один из задержанных, – я хотел сабельку прикупить, а вы вязать. Я буду жаловаться.

– Конечно, конечно. Разберёмся. Зато порядок! – не сдавался пристав. – Это главное!

Солдаты молчали.
И только снег тихо падал за окном.

Глава 11

Дом Оленьевых казался спящим… но это был сон волка.

Савинов бежал первым – ловко, почти бесшумно.
За ним – князь, уверенный и злой.
Аглая старалась не отставать, хотя сердце в груди билось так громко, что, казалось, слышно на весь дом.

На лестнице остановились.
Тишина снова сгущалась.

– Где? – шёпотом спросил Оленьев.

Савинов прислушался.

Лёгкий-едва слышный скрип…
Тень скользит вдоль стены…

– В гостиной, – выдохнул он.

Они двигались цепочкой – медленно, как охотники.

Гостиная была озарена лишь лунным светом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.